

* * *

Мой свет меня зовет,
мой свет
        во мне стремится
в протяжные поля,
в дыханье знойных рос,
где, воскрешая день,
касается зарница
шелковых губ коня
под пение колес.
Уводит колея
разбуженной печали
в молитву милых глаз,
в зеленый солнцевей...
Ромашковый прибор
качает на причале...
Струятся купола —
пчелиным сном полей.

* * *

Миг мимолетен,— одуванчиковый миг.
Все Уже створки летних песнопений.
Глоточек мал, а тайный свет велик,
и всплеск один
        среди желтого кипенья.
Еще тепло и синий взгляд высок —
и — хорошо, пока надежда греет...
Еще хрустальный слышен голосок
среди клевера, ромашек и кипрея.

Еще пока лишь чувствуется тень
не здесь,

а где-то распустила крылья...

Еще не вечер, а веселый день,
и ветер говорит

с дорожной пылью.

* * *

*«Только детские книги читать,
только детские думы лелеять...»*

(Осип Мандельштам)

Владивосток. Вторая речка.
Приют последний... Мандельштам —
Ребенок вечности, кузнечик,
Отдавший жизнь своим стихам.
Измученный тоской голодной,
Стихи читая в смертный бред,
Твой срок для времени — свободный,
Где не найдет уже навет.
Что шепчут волны океана:
Про Рим, Воронеж, Петроград;
Про голубых песцов и ланей,
Иль про охранников-солдат.

Огромных глаз твоей печали
Нам неизвестны номера.
Земное солнце закопали
У адища, мученья врат.
Поэт мой милый, смутно время
И жизни муха у шлепка,
И не жалеют в жертву семя,
И власть у красного быка.

* * *

Осыпаются лунные скрипы в песок.
Колесо продавало слепой горизонт.
И туманом взбухает озерная гладь,
и на сонной дороге
пылинка зажглась...
Мерный шаг, мерный бег, мерный взлет...
Горизонт, горизонт, горизонт...
Теплой пылью
устелена мирная мгла,
тишиною пахучей на травы легла...
Обод крутится в небо... Поет голосок,
и не знает свой путь,
и не знает свой срок...

* * *

Отшумел большак,
отколесился.

Заросли травой
тропки-тропицы.
Где-то там вдали
путь другой лежит,
путь другой бежит
резво-молодо.
Колесо поет
о другой мечте,
о других цветах
синеглазия.
Что им тот большак?
Он забыт в траве,
он хранит в груди
песни древние.
Что им тот большак —
проезжающим
по своим путям,
за своей мечтой,
им,
уверенным

победителям,
до конца свой путь
не изведавшим?

Опаленных дней
им пока не жаль,
прошлый тот большак
лишь травой трава...

А куда он вел,
знает ветер лишь,
да седая пыль
переметная...

* * *

За рощей светлогривой,
где звуки расцвели,
звучали переливы
колесной колеи.

У огненной подковы
отдельная стезя,
и путь ее — в кленовый,
в осиновый — нельзя...

Стрекозы карусели
у солнечной земли
травинками свистели
колесной колеи.

Колесики блеснули:
на спице слово — жить!
Кузнечики всплеснули
и в поле — фить-фить!